

Ли Цян

Белорусский государственный университет культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается геокультурное влияние Китая на мировое сообщество; объясняется эффект масштаба экономики Китая и его институциональные причины; обосновываются ценностные ориентации Китая и его уникальный метод международного сотрудничества, а также обсуждается перспектива паназиатской экономической и культурной интеграции и роль Китая в ней.

Ключевые слова: эффект масштаба, порядок, китайская модель, пан-Азия.

The article examines the geocultural influence of China on the world community; explains the scale effect of China's economy and its institutional causes; the value orientations of China and its unique method of international cooperation are substantiated, and the prospect of pan-Asian economic and cultural integration and the role of China in it are discussed.

Keywords: economies of scale, order, Chinese model, pan-Asia.

В книге «Столкновение цивилизаций» С. П. Хантингтон предсказал, что мир после окончания холодной войны превратится из противостояния двух лагерей, характеризующегося идеологическим конфликтом, в конфликт или даже конфронтацию между цивилизациями. Источники конфликтов в Новом мире не будут в первую очередь идеологическими или экономическими. Столкновение цивилизаций будет доминировать в глобальной политике. Линии разлома между цивилизациями станут линиями сражений будущего [1, с. 140]. То, что происходит сегодня в мире, похоже, подтверждает прогнозы С. Хантингтона: кризис беженцев,

деглобализация, культурное столкновение между исламским миром и западным миром, российско-украинская война, китайско-американская торговая война и т. д. Однако, будучи крупнейшей независимой переменной в мире, Китай придает определенность неопределенному миру и становится главным двигателем глобального экономического развития. Возвышение Китая политически изменило традиционную геополитическую модель и экономически повертывало поток глобальных ресурсов и капитала, став одним из самых важных событий в мире в XXI в. По мере усиления глобального влияния Китая модель развития, сформированная уникальной традиционной культурой и когнитивной логикой, становится все более актуальной и обсуждаемой.

Наиболее значительное влияние Китая на мир проистекает из его размера: эффект масштаба, вызванный численностью населения, заставляет Китай меняться самому, одновременно фактически изменяя мир, даже вводя международные стандарты и изменения в правилах. Например, поскольку объем производства и продаж автомобилей в Китае стал крупнейшим в мире, вся автомобильная промышленность мира начала трансформироваться в сторону Китая; крупномасштабная и быстрая урбанизация Китая привела к тому, что мировая индустрия архитектурного дизайна тяготеет к китайским потребностям и стандартам; с популяризацией Интернета Китай по количеству пользователей сети и масштабам электронной коммерции вышел на первое место в мире, породив таких интернет-гигантов, как Alibaba, Tencent и Tik Tok [2, с. 26]. Однако, формирование этого эффекта масштаба основано не только на огромной численности населения, но и зависит от высококонцентрированного правительства, которое может эффективно управлять таким большим населением. В централизованном Китае правительство может сконцентрировать огромное количество ресурсов на строительстве ключевых национальных базовых секторов, таких как национальная оборона, образование, транспорт и связь, а также располагает мощными средствами для эффективного управления и координа-

ции различных регионов страны. В результате Китай обладает крупнейшей в мире крупномасштабной высококачественной дешевой рабочей силой, лучшими инфраструктурными условиями и привлекательной промышленной политикой и деловой средой. После вступления в ВТО Китай быстро превратился в глобальный производственный центр. В то же время, с развитием науки и техники и изменениями в структуре экономики, китайское производство больше не является синонимом дешевизны и низкого качества, а развивается в направлении высокого качества, высоких технологий и высокой добавленной стоимости. При рассмотрении роли эффекта масштаба в китайской экономике китайский ученый Цзинь Канронг считает, что в зависимости от численности населения индустриализация в истории человечества прошла примерно три этапа от простого к сложному: индустриализация европейских стран, таких как Великобритания и Франция, находится на уровне десятков миллионов человек, индустриализация Соединенных Штатов и Советского Союза – на уровне сотен миллионов человек, а индустриализация Китая – на уровне одного миллиарда человек. Таким образом, индустриализация Китая, вероятно, полностью изменит мировой экономический, политический и культурный ландшафт [3, с. 76].

В отличие от Запада, в традиционной китайской культуре стремление к порядку и стабильности имеет наивысший приоритет. По сравнению с индивидуальной свободой люди ценят чувства и обязанности членов семьи и сообщества, а также стабильность общественных организаций. Особенности этой культуры естественным образом способствуют концентрации власти. Поэтому государственная форма с естественным экономическим сообществом в качестве базовой единицы и централизованным правительством является основным направлением в истории Китая. К XX в. политическая система, основанная на имперской власти, была полностью не способна удовлетворить потребности модернизации Китая, но раскол и хаос в стране доказали, что при строительстве современного государства необходимо сохранить единую

государственную форму и централизованную политическую систему, иначе страна не сможет развиваться [4, с. 30]. Сегодня успех китайской модели доказывает ее эффективность, что, в свою очередь, бросает вызов западным ценностям демократии и свободы: Китай не принял западную систему «многопартийность + один человек, один голос» и модель рыночной экономики невмешательства, но добился ее подъема. Напротив, ни одна из развивающихся стран, принявших систему западного образца, не достигла таких же успехов в экономическом и социальном развитии, как Китай, и даже сами развитые страны начали испытывать системные проблемы.

Более убедительным доказательством этого является то, что Китай не только продемонстрировал успех китайской модели у себя в стране, но и продемонстрировал потенциал китайской модели в процессе оказания помощи и инвестирования в развивающиеся страны. С начала XXI в., особенно после того, как была выдвинута стратегия «Один пояс, один путь», иностранная помощь и инвестиции Китая существенно выросли. В отличие от традиций западных стран, которые заинтересованы в экспорте ценностей и изменении политических систем других стран, Китайская культура подчеркивает «стремление к единению при сохранении различий (求同存异)», стремится к «общему наибольшему делителю» идей и не настаивает на изменении идей и привычек других людей. Помощь Китая не связана никакими политическими обязательствами и может принести прямую выгоду, и китайские инвестиции всегда учитывают улучшение жизни местного населения и содействие социальному развитию [5, с. 49]. Благодаря стабильности централизованной государственной системы Китай может осуществлять сверхдолгосрочное планирование и вести «портфолио» на этой основе. Например, инвестиции в инфраструктуру, такую как дороги, аэропорты, школы, больницы, которые необходимы, но являются долгосрочными, огромными и трудно приносящими доход, невозможны для частных предприятий. Однако государственные предприятия Китая

обладают сильным капиталом и зрелыми технологиями, и они предназначены не только для получения прибыли, поэтому они могут осуществлять инвестиции и строительство инфраструктуры в соответствии с национальным планом и создавать базовые условия для местного экономического и социального развития. Когда будет сформировано общество с полной инфраструктурой и экономическим потенциалом, в него войдут другие предприятия. В ходе этого процесса Китай может расширить каналы импорта энергоносителей, устранить внутренние избыточные мощности, а предприятия также могут получать прибыль и расширять рынок. В странах, получающих инвестиции, улучшились условия инфраструктуры, можно реализовать внутренние ресурсы, увеличилась занятость и улучшилась жизнь людей. После улучшения местных базовых условий это привлечет инвестиции из большего числа стран и будет способствовать дальнейшему местному развитию. Такая схема исходящих инвестиций может привести к убыткам для некоторых китайских госпредприятий, но межправительственная координация часто максимизирует общие интересы Китая и стран-партнеров.

Кроме того, очень заметным изменением является рост экономических и социальных связей в паназиатском регионе (главным образом включая Восточную и Юго-Восточную Азию вдоль западного побережья Тихого океана) и роль Китая в этом процессе. Хотя исторический процесс, уровень развития и культурные обычаи разных стран весьма различны, Паназиатский регион следует рассматривать как один и тот же культурный регион с точки зрения истории, географии и этнической принадлежности. Примерно с III в. н. э. китайская цивилизация, основанная на конфуцианстве, начала распространяться на Корейский полуостров, Японский архипелаг и Юго-Восточную Азию, образуя «конфуцианский цивилизационный круг» с центром в Китае. Посредством торговли данниками и других каналов Китай и соседние страны сформировали международную систему, называемую «системой дани», основанную на конфуцианском «Ли (礼, система

правил со значением иерархических отношений)» в качестве основного правила [6, с. 67]. С упадком Китая и распадом системы дани с XIX в. влияние великих держав проникло в паназиатский регион. В XX в. Япония, единственная могущественная страна в Азии, пыталась построить так называемую «Великую восточноазиатскую сферу процветания», но поражение в войне привело к провалу японского видения. В последующие 50 лет, хотя Япония и «Четыре азиатских тигра» сформировали большее экономическое и культурное влияние в Юго-Восточной Азии благодаря своим экономическим преимуществам, их силы все еще недостаточно для содействия региональной интеграции Восточной Азии. Однако подъем Китая меняет эту ситуацию: в Восточной Азии экономические связи между Китаем, Японией и Южной Кореей становятся все более тесными; в Юго-Восточной Азии инвестиции Китая в различные страны увеличиваются год от года, особенно в строительство инфраструктуры, все страны сотрудничают с Китаем. Например, строятся железная дорога Китай–Таиланд, железная дорога Китай–Мьянма и железная дорога Китай–Вьетнам. Железная дорога Китай–Лаос была построена и открыта для движения в конце 2021 г. Международный аэропорт Цзинхай в Камбодже и высокоскоростная железная дорога Джакарта–Бандунг в Индонезии были завершены и введены в эксплуатацию. Кроме того, вступило в силу Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (RCEP), ознаменовавшее официальное начало создания крупнейшей в мире зоны свободной торговли в регионе Западной части Тихого океана. По данным Всемирного банка, соглашение охватит 2,3 млрд человек, что составляет 30 % населения мира, с ВВП в 25,8 триллиона долларов США, что составляет около 30 % от общего мирового объема, и объемом торговли в 12,7 трлн долл. США, что составляет более четверти от общего числа в мире [7]. В будущем соглашение значительно продвинет экономические и торговые связи между Китаем и странами региона, а также ускорит процесс паназиатской интеграции. С реализацией взаимосвязи

инфраструктуры и экономической интеграции языковые и культурные истоки между Китаем и Паназиатским регионом будут переосмыслены, исследованы и преобразованы, и может быть сформирована современная паназиатская культура, основанная на конфуцианских культурных ценностях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном мире с его огромными экономическими размерами и прочными культурными традициями и ценностями Китай глубоко интегрировался в мировую экономику и культуру и участвовал в их преобразовании в процессе общего развития с другими странами. Модель развития Китая служит ориентиром для всего мира. Успех китайской модели продемонстрировал возможность незападного пути модернизации, и его осуществимость и эффективность также постоянно подтверждались в международной практике. В то же время, учитывая экономическое развитие, особенно сегодня, когда неопределенность усиливается и глобализация серьезно затруднена, Китай демонстрирует растущий спрос на региональную интеграцию. Формирование предсказуемого паназиатского региона экономической и культурной интеграции уже началось.

Литература

1. 李强:《文明的冲突与世界秩序的未来—重读亨廷顿》, 北京大学学报(哲学社会科学版), 2021. 140–152页 = Ли, Цян. Конфликт цивилизаций и будущее мирового порядка – Перечитывая Хантингдона / Цян Ли // Журн. Пекинского университета (издание по философии и социальным наукам). – 2021. – С. 140–152.
2. 张维为:《文明型国家》, 上海人民出版社, 上海, 2017, 23–26 页 = Чжан, Вэйвэй. Концепция цивилизованной страны / Вэйвэй Чжан // Цивилизованное государство / отв. ред. Лю Шуо. – Шанхай : Шанхайское народное изд-во, 2017. – С. 23–26.
3. 金灿荣:《如何深入理解“世界正面临百年未有之大变局”》, 领导科学论坛, 2019, 66–77页 = Джин, Канронг. Как получить

глубокое понимание того, что «мир сталкивается с великими переменами, которых не было уже сто лет» / Канронг Джин // Научный форум по лидерству. – 2019. – С. 66–77.

4. 汪仕凯:《论政治大一统:内涵、本质和演进》,学海, 2022, 21–31页 = Ван, Шикай. О политическом единстве: коннотация, сущность и эволюция / Шикай Ван // Сюэхай. – 2022. – С. 21–31.

5. 罗建波:《中国对外援助模式:理论、经验与世界意义》,国际论坛, 2020, 39–63+156–157页 = Ло, Цзяньбо. Модель внешней помощи Китая: теория, опыт и мировое значение / Цзяньбо Ло // Международный форум. – 2020. – С. 39–63, 156–157.

6. 王作成:《试论东亚一体化进程中文化认同的建构[J]. 沈阳大学学报, 2009, 67–70页 = Ван, Цзочэн. Экспериментальная дискуссия о формировании культурной идентичности в процессе восточноазиатской интеграции / Цзочэн Ван // Журн. Шэньянского ун-та. – 2009. – С. 67–70.

7. RCEP Agreement enters into force (2022). Retrieved from <https://rcepsec.org/2022/01/14/rcep-agreement-enters-into-force>.

Yuan Kefeng

Ningde Normal University (Ningde City, China)

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

O. P. Nedospasova

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

THE IMPACT OF INTERNET USE PREFERENCE ON INDIVIDUAL LABOR INCOME: EVIDENCE FROM CHINA

At present, Internet information technology has a great impact on people's way of life, but also on people's labor income. This paper analyzes the influence mechanism of Internet use on individual labor income and puts forward three hypotheses. Using China's micro survey data, we empirically analyze the differences in the impact of Internet usage preferences on individual labor income. The results show that the frequent